

ISSN 2658-6827

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ГЕРОЙ И АНТИГЕРОЙ КАК ОБЪЕКТЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

III

УДК 82.091

ББК 83.3(0)5+83.3(0)6

Г39

Редакционная коллегия: д-р филол. наук, проф. *В.Д.Алташина* (С.-Петербург. гос. ун-т); д-р филол. наук, проф. *И.И.Бурова*, отв. редактор (С.-Петербург. гос. ун-т); канд. филол. наук, доц. *Е.В.Бурмистрова-Еннерт* (С.-Петербург. гос. ин-т культуры); д-р филол. наук, проф. *Г.И.Данилина* (Тюмен. гос. ун-т); д-р хабилитат филологии, доц. (maitre de conférence) *Ш. Краусс* (Ун-т Пуатье, Франция); д-р филол. наук, проф. *О.Н.Кулишкина* (С.-Петербург. гос. ун-т); д-р хабилитат филологии, проф. эмеритус *Ю. Леманн* (Ун-т им. Фридриха — Александра в Эрлангене и Нюрнберге, г. Эрланген, Германия), Ph. D., проф. *А. Майга* (Ун-т литературы и гуманитар. наук Бамако, Мали); д-р филол. наук, проф. *Л.Н.Полубояринова* (С.-Петербург. гос. ун-т); д-р филол. наук, проф. *Н.И.Соколова* (Моск. пед. гос. ун-т); д-р филол. наук, проф. *Т.А.Федяева* (С.-Петербург. гос. аграр. ун-т); канд. филол. наук, доц. *Н.М.Шахназарян* (Белорус. гос. ун-т, г. Минск, Республика Беларусь)

Рецензенты: д-р филол. наук, доц. *Д.Г.Алилова* (С.-Петербург. гос. ун-т); канд. филол. наук, доц. *О.П.Плахтиенко* (Сев. Аркт. фед. ун-т, Архангельск)

Рекомендовано к публикации Научной комиссией в области наук о языках и литературе Санкт-Петербургского государственного университета

Герой и антигерой как объекты сравнительного литературоведения

Г39 **ния:** межвуз. сб. науч. статей, посвящ. памяти А. А. Чамеева / отв. ред. И. И. Бурова. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2021. — 232 с. — (Comparativistica Petropolitana. Вып. 3). ISBN 978-5-288-06087-8

Третий выпуск российского межвузовского сборника статей с международным участием посвящен обсуждению ряда проблем, связанных с объемом понятий «герой» и «героика», «герой» и «персонаж» в разные исторические эпохи, человеческим идеалом эпохи и его воплощением в литературных произведениях, превращением исторических персонажей в литературных героев, образами антигероев и традициями этико-эстетического противопоставления персонажей и другим. Авторы статей, ученые из России и США, исследуют эти проблемы в рамках методологии сравнительного литературоведения, апеллируя к произведениям западных и русских авторов XVI–XXI веков.

Для специалистов в сфере международных литературных связей, студентов гуманитарных факультетов университетов и широкого круга лиц, интересующихся этими проблемами.

УДК 82.091

ББК 83.3(0)5+83.3(0)6

Hero and Anti-Hero as Objects of Comparative Literary Studies: An Intercollegiate Collection of Scholarly Articles Dedicated to the Memory of A. A. Chameyev / ed. by I. I. Burova. — St. Petersburg: St. Petersburg State University Press, 2021. — 232 p. — (Comparativistica Petropolitana. Issue 3).

The intercollegiate collected volume of essays by Russian and American researchers is devoted to the issues related to the scope of such concepts as “hero” and “heroic,” “hero” and “character” in different historical ages, the human ideals of different times and their embodiments in works of fiction, turning a historical character into a fictional character, images of anti-heroes and traditions of ethical and aesthetical opposition of characters, etc. Focusing upon the works by Western and Russian writers of the 16th–21st centuries, the essays authors, researchers from Russia and the USA, approach the above listed problems within the framework of the comparative literary studies concepts.

For professionals in the international literary relations, students of humanitarian faculties of universities and a wide range of people interested in the problems of international literary relations.

© Санкт-Петербургский
государственный университет, 2021

ISBN 978-5-288-06087-8

*Светлой памяти Александра Анатольевича Чамеева
посвящается*

Содержание

Слово об Александре Анатольевиче Чамееве	9
Предисловие	11
Алташина В. Д. Жюстина vs. Жюльетта: герой/антигерой в романах маркиза де Сада	18
Багдасарова А. А. Современный Дон Жуан: метаморфозы героя в эпоху феминизма и либерализма (на материале пьесы Х. Кампоса Гарсии «d.juan@simétrico.es»)	29
Бурова И. И., Васильева Э. В. Читающая героиня в романе М. Брэддон «Жена врача»	37
Горшкова Е. А. Романтизация преступной личности в романах У.Эйнсворта «Руквуд» и «Джек Шеппард»	50
Делазари И. А. Лошадь, стул и пианино: сравнительный героизм и теория заражения	60
Дунаевская Е. С. Эндрю Лэнг и Эдит Несбит: востребованность как функция alter ego	74
Жуков А. П. Особенности образа главного героя в романе «Макунаима» Мариу де Андраде	84
Климовская А. Я. Гендерное преломление проблемы героя/антигероя в романе А. Брукнер «Посмотри на меня»	93
Липинская А. А. «Злой граф»: к истории одного типажа в британской готической новелле	101
Ненарокова М. Р. Образы антигероев в христианской гимнографии	112
Павлова И. Н. Ева падшая и Ева непорочная: две героини романа Мэри Шелли «Лодор»	134
Стадников Г. В. Спор о герое трагической судьбы: драма Гёте «Торквато Тассо» в первых откликах русской критики	143
Федяева Т. А. Проблема героя и антигероя и тирольский дискурс в творчестве Феликса Миттерера	154
Чекалов К. А. Рокамболь, Арсен Люпен и Фантомас: динамика харизмы	164
Шерихова Е. И. Новая Офелия в романе Пола Гриффитса «Дайте мне рассказать»	177
Эмерсон К. Два Анджело: полемика о «Мере за меру» (Шекспир и Пушкин)	188
Ястребова Ю. В. Ланглуа в романе Жана Жионо «Король без развлечений» — герой или антигерой?	205
Яценко М. В. Образ Сатаны в христианском эпосе англосаксов: к вопросу о возможности сравнительного изучения древнеанглийской поэмы «Бытие» и «Потерянного рая» Дж. Мильтона	213
Сведения об авторах	226
Contributors	229

Contents

In Loving Memory of Alexandr Anatoljevich Chameyev.....	9
Foreword.....	11
Altashina V.D. Justine vs. Juliette: Heroine/Anti-heroine in the Novels by the Marquis de Sade.....	18
Bagdasarova A. A. The Modern Don Juan: the Character's Metamorphoses in the Age of Feminism and Liberalism (a Case of J. Campos García's Play «d.juan@simétrico.es»).....	29
Burova I. I., Vasileva E. V. The Reading Heroine in the Novel “The Doctor’s Wife” by M. Braddon.....	37
Gorshkova E. A. Romanticizing the Criminal Personality in W. Ainsworth’s Romances “Rookwood” and “Jack Sheppard”.....	50
Delazari I. A. A Horse, a Chair, and a Piano: Comparative Heroism and Infection Theory.....	60
Dunaevskaya E. S. Edith Nesbit and Andrew Lang: Popularity as the Function of Alter Ego.....	74
Zhukov A. P. Image Features of the Main Character in the Novel “Macunaima” by Mario de Andrade.....	84
Klimovskaia A. Ia. Gender Aspect of the Hero/Anti-hero Issue in A. Brookner’s Novel “Look at Me”.....	93
Lipinskaya A. A. The Wicked Count: Towards the History of a Literary Character in British Gothic Stories.....	101
Nenarokova M. R. Images of Anti-heroes in Christian Hymnography.....	112
Pavlova I. N. Post-lapsarian Eve and Pre-lapsarian Eve in Mary Shelley’s “Lodore”.....	134
Stadnikov G. V. A Hero with a Tragic Destiny Controversy: Early Reactions of Russian Critics to Goethe’s drama “Torquato Tasso”.....	143
Fedjaeva T. A. The Problem of Hero and Anti-hero and Tyrolean Discourse in the Works of Felix Mitterer.....	154
Chekalov K. A. Rocambole, Arsène Lupin and Fantomas: charisma dynamics....	164
Sherikhova E. I. The New Ophelia in Paul Griffiths’ Novel “Let Me Tell You”.....	177
Emerson C. Two Andgelos: The “Measure for Measure” Controversy (Shakespeare and Pushkin).....	188
Yastrebova Iu. V. Langlois in the Novel “Un Roi sans Divertissement” by Jean Giono, — a Hero or Anti-hero?.....	205
Yatsenko M. V. The Image of Satan in the Anglo-Saxon Christian Epic: On the Problem of Comparative Study of the Old English Poem “Genesis” and “Paradise Lost” by J. Milton.....	213
Information about the authors.....	226
Contributors.....	229

Слово об Александре Анатольевиче Чамееве

Ушел из жизни, не дожив двух недель до своей 75-й годовщины, наш дорогой друг и коллега по кафедре истории зарубежных литератур СПбГУ, кандидат филологических наук, автор многочисленных научных публикаций по английской литературе, превосходный редактор и благоговейно уважаемый преподаватель, доцент **Александр Анатольевич Чамеев** (14 марта 1944 — 26 февраля 2019). С конца семидесятых, когда он выступал аспирантом на семинарах нашей кафедры, и до последних лекций, которые он прочел весной прошлого года во всегда переполненных аудиториях филологических факультетов СПбГУ и Герценовского университета, он не сказал ни одного пустого, не продуманного слова. Его знания были глубочайшими, но в то же время изложение их выглядело неброским, ибо Александр Анатольевич презирал театральные эффекты. Его статьи не поражали, но всегда заставляли надолго задумываться квалифицированного коллегу; его редактурa неизменно была точной и вразумляющей, манеры — мягкими, решения — непреложными. Трудолюбие и выносливость же Александра Анатольевича можно определить одним словом: «неправдоподобные». Именно поэтому его комментарии к английской готической прозе стали образцовыми, а старую его монографию «Джон Мильтон и его поэма „Потерянный рай“» (1986) можно и сегодня смело давать в руки молодого англиста — пропедевтическая ценность этой книги ставит ее в один ряд с работой А. А. Смирнова о Шекспире (1963), «Основами стиховедения» В. Е. Холшевникова (1962) или «Миром саги» М. И. Стеблин-Каменского (1971). Все эти книги — гордость нашего факультета, и еще того больше — их авторы: настоящие ученые-преподаватели, и преподающие не случайно и не формально, а в истовом служении университету и его ценностям. Проще говоря, любящие и уважающие студентов.

Ученики понимали это и платили Александру Анатольевичу искренним и пылким обожанием. Многие, пусть смутно, также чувствовали очень высокий уровень его лекционной работы, и на его спецкурсы всегда записывалось в несколько раз больше слушателей, чем к коллегам, — к его немалому смущению. Ведя полную доцентскую нагрузку на двух ведущих филологических факультетах города, а также в некоторых других институтах, Александр Анатольевич постоянно обновлял материалы лекций, иногда читая совершенно новые для себя курсы на замену коллег, но не выставляя это напоказ и не хваясь, а действуя упорно и органично, как растут большие деревья. Никто не помнит, чтобы он хоть раз кого-нибудь подвел, опоздал, что-то забыл. Его творческая энергия, неостановимый рост, приток новизны были неотразимо обаятельны для коллег и учеников. Его научное руководство навсегда оставалось в памяти и личности ученика, чему можно видеть десятки горестных свидетельств в социальных сетях, оставленных по получении известия о его кончине.

Потеря такого человека поистине невосполнима и для кафедры, и для семьи Александра Анатольевича, и для всех, кто когда-либо у него учился. Светлой и долгой будет наша память о нем, и долгой будет жизнь созданных им текстов.

Кафедра истории зарубежных литератур СПбГУ

Предисловие

Одним из залогов успешной научной коммуникации является четкость терминологического аппарата, используемого в той или иной отрасли знаний. Научная терминология литературоведения удовлетворяет этим общим требованиям, в подавляющем большинстве случаев обладая такими базовыми характеристиками, как емкость и однозначность, а также некоторыми факультативными, к которым относятся отсутствие омонимии и коннотативной окраски. Однако ввиду специфики и сложности объекта исследования, а также подверженности историческим изменениям даже наиболее устойчивых понятий литературы терминология литературоведения нередко отступает от этого правила. К таким случаям относится и терминологическое словосочетание «литературный герой».

Давно и прочно войдя в подъязык литературоведческих дисциплин и закрепившись в повседневном речевом узусе, «литературный герой» обладает множеством толкований. Частая редукция этого словосочетания до одного определяемого слова обнажает генетическое родство литературного героя с понятиями героя и героического, однако еще до того, как в XIX веке великие деяния перестали рассматриваться в качестве обязательного критерия героики, в общем случае герой в литературном произведении оказался низведен до уровня действующего лица, персонажа. Эти термины можно рассматривать как синонимы, однако их сосуществование логично привело к укреплению традиции подразделения героев на главных и второстепенных, хотя, в сущности, выражение «второстепенный герой» носит оттенок оксюморонности, поскольку главное слово в нем ведет свою историю от древнегреческого ἥρωας, которым в эпоху культа физической силы нарекали смелых и могучих людей, а также мифологических персонажей, имевших полубоже-

ственное происхождение и служивших эталонами для подражания простым смертным.

Не забывая о явных качественных различиях между «героем» и «персонажем» и количественных между главными (стержневыми) и второстепенными героями, вспомним и известное высказывание М. М. Бахтина, определившего героя как «центр исхождения поступка» [1, с. 57]. Однако этический смысл поступков бывает разным, и это подводит нас еще к одной противоречивой ситуации: «центром исхождения» поступка может быть личность, далекая от нравственного идеала. Если в произведении подобный персонаж противопоставлен главному герою (или просто герою), подчеркивая достоинства последнего, то мы имеем полное право назвать его антигероем. Между тем литература знает немало примеров того, как на роль стержневого образа выдвигается настоящий злодей. Не слишком ли мы небрежны, называя такого персонажа «героем», пусть даже в значении «стержневой образ произведения», и не слишком ли нарушаем логику противопоставления, считая его антигероем в условиях отсутствия в произведении его антипода? Пока что эти вопросы остаются без ответа, и понимание необходимости их рассмотрения движет многими современными исследователями.

Если обратиться к опыту зарубежной компаративистики, то можно констатировать явное оживление интереса к проблеме литературного героя в конце XX — начале XXI века. Достаточно назвать вышедшие в ведущих мировых издательствах научной литературы монографии Пьера Глода и Ива Рётера [9], Франсиса Бертело [5], Алекса Уолока [11], Алана Палмера [10], Джона Фрау [8] и Марты Фиглерович [7], а также сборник статей «Вымышленные персонажи, реальные проблемы: поиск этического содержания в литературе» (*Fictional Characters, Real Problems: The Search of Ethical Content in Literature*, 2016) под редакцией Гэрри Л. Хэгберга [6]. Коллеги из Фрайбургского университета Рональд Г. Аш, Ахим Аурнхаммер, Георг Файтшер и Анна Шреурс-Море стоят во главе крупного исследовательского проекта «Герои — героизации — героизмы» (*Helden — Heroisierung — Heroismen*), предусматривающего, в частности, создание общедоступной электронной энциклопедии типов героев¹. В то же время в нашей стране со времен публикации блестящих работ А. В. Карельского с общим заголовком «От героя

¹ Compendium heroicum. <https://www.compendium-heroicum.de/> (дата обращения: 10.09.2019).

к человеку» [3; 4], развивающей идею совершенного в XIX веке перелома на материале отдельных произведений немецких, французских, португальских и австрийских писателей, попыток продвинуться в области наполнения понятий героя и героического за пределами обозначенной ученым пространственно-временной сферы практически не предпринималось. Понимая это, в 2017 году кафедра истории зарубежных литератур Санкт-Петербургского государственного университета выступила инициатором издания коллективной монографии «Женщины в литературе: авторы, героини, исследователи» [2].

Интерес, проявленный к нашей публикации, позволил нам выдвинуть в качестве темы для нового обсуждения проблему сравнительного изучения литературных героев как в диахроническом, так и в синхроническом плане и при этом практически продемонстрировать применимость к его потребностям элементов герменевтического, психоаналитического, когнитивного подходов.

Для публикации в третьем выпуске сборника научных статей «Comparativistica Petropolitana» были отобраны 18 статей специалистов, представляющих научные школы разных исследовательских центров (ИМЛИ им. А. М. Горького, Принстонский университет, Санкт-Петербургский государственный университет и другие) и занимающихся как конкретными национальными литературами Запада, так и межлитературными связями. При всем разнообразии исследовательского материала и подходов к нему статьи наших авторов преимущественно укладываются в несколько основных тем. Сравнительный анализ рецепции образов героев в разные культурно-исторические эпохи предлагают А. А. Багдасарова (реабилитация Дон-Жуана в современной пьесе драме Х. Кампоса Гарсии и соотношение этого «вечного образа» с трактовкой, предложенной Х. Соррильей), К. Эмерсон (сопоставительное прочтение «Меры за меру» У. Шекспира и «Анджело» А. С. Пушкина с учетом «Шекспира в рассказах для детей» Ч. и М. Лэм как текста-посредника), М. В. Яценко (Сатана в древнеанглийской аллитерационной поэме «Бытие» и «Потерянном рае» Дж. Мильтона), а также Е. И. Шерихова (исследование образа Офелии в романе П. Гриффитса «Дайте мне рассказать», в котором второстепенный персонаж Шекспира выходит на первый план и принимает на себя черты, которые мы привычно ассоциируем с образом Гамлета). И. А. Делазари, прибегнув к смелому сопоставлению разнесенных во времени на столетие «Холстомера» Л. Н. Толстого и рассказов современного американского писателя

У.Гэсса, предлагает читателям рассуждения о том, как публика воспринимает произведения, в которых героями-рассказчиками становятся животные или неодушевленные предметы, и как такая «неестественная» наррация влияет на понимание героичности и центральности.

Обращение И.Н.Павловой к сравнительному анализу двух женских образов, «двух Ев» в «Лодоре» М.Шелли не только существенно углубляет представление об этом романе, но и за счет выявления в нем мотива бессилия человека-творца позволяет установить связь между ним и наиболее известным творением писательницы, «Франкенштейном».

Другие наши авторы предпочли обратиться к анализу литературных героев в произведениях одного или разных авторов, относящихся к одному и тому же хронологическому периоду. Так, к этому смысловому блоку относится и чрезвычайно богатая фактами аналитическая статья Г.В.Стадникова, устанавливающая связь между образами Торквато Тассо в творчестве И.В.Гёте, Н.Кукольника и М.Киреева, ту роль, которую сыграли русские «Тассо» в рецепции трагического героя Гёте. В.Д.Алташина провела вдумчивый анализ паратекста романов маркиза де Сада о Жюстине, выявив на этом уровне ключи к пониманию эволюции отношения автора к Жюстине и ее антиподу Жюльетте, выделяющему итоговый вариант романа на фоне традиционных образцов жанра XVIII века, предполагавших четкое противопоставление героя (героини) и антигероя (антигероини). Совместная статья И.И.Буровой и Э.В.Васильевой обращает внимание на факт английской рецепции «Госпожи Бовари» Г.Флобера задолго до появления перевода и на принципиальное отличие «Жены врача» М.Брэддон от французского прототипа на уровне многочисленных литературных аллюзий, авторы тщательно анализируют особенности восприятия героиней не только бульварных любовных романов, но и элитарной литературы. Е.С.Дунаевская сравнивает героев произведений Э.Лэнга и Э.Несбит, усматривая общее в том, как эти писатели сообщают им автобиографические черты, а различное — в степени дидактизма и эмпатии, которые указанные писатели вкладывали в образы созданных ими персонажей.

Тема статуса центрального персонажа, возможность отнесения его к категориям героев и антигероев объединяет статьи А.Я.Климовской, Ю.В.Ястребовой и А.П.Жукова, на материале, соответственно, английского («Посмотри на меня» А.Брукнер), фран-

цузского («Король без развлечений» Ж. Жионо) и бразильского («Макунаима» М. де Андраде) романа XX века отмечающих амбивалентность центральных персонажей, их диалектичность.

Т. А. Федяева на материале пьес современного австрийского драматурга Ф. Миттерера фиксирует актуализацию темы героизма и патриотизма в его творчестве, объясняя это явление ростом националистических настроений в Европе и показывая, что героическое или антигероическое начало в образах действующих лиц у Миттерера неизменно решается именно в зависимости их отношения к национальному.

Четверо наших авторов приняли решение сосредоточиться на анализе отрицательных героев. М. Н. Ненарокова посвящает свое исследование антигероям христианской гимнографии, выделяя канонические принципы изображения притеснителей веры и выстраивая типологию их образов. Статья А. А. Липинской посвящена анализу характерного для британской готической новеллы середины XIX — начала XX века образа злодея-аристократа, названного исследовательницей «злым графом». Е. А. Горшкова анализирует образы романтизированных и героизированных преступников в «ньюгейтских» романах У. Эйнсворта, прослеживая, как найденный писателем литературный типаж проходит эволюцию от пусть и запоминающегося, но второстепенного персонажа до статуса стержневого мужского образа и заглавного героя. Феномен необычайной привлекательности Арсена Люпена, Рокамболя и Фантомаса — далеко не безупречных культовых героев серий французских авантюрно-уголовных романов — стал предметом глубокого изучения К. А. Чекалова. Таким образом, в двух последних статьях авторы обращаются к проблеме харизматичных антигероев, составивших в XIX веке серьезную конкуренцию «маленьким» героям реалистической прозы.

Редколлегия сборника выражает глубокую признательность авторам, предоставившим в ее распоряжение результаты своих исследований, и искренне надеется, что включенные в сборник материалы привлекут профессиональное внимание широкого круга специалистов-филологов, интересующихся проблемами современного сравнительного литературоведения.

Редколлегия

Литература

1. Бахтин М. М. К философии поступка // Бахтин М. М. Работы 20-х годов. Киев: Next, 1994. С. 1–72.

2. Женщины в литературе: авторы, героини, исследователи: коллективная монография / под ред. И.И. Буровой. СПб.: Петрополис, 2017. 226 с.
3. Карельский А. В. От героя к человеку (развитие реалистического психологизма в европейском романе 30–60-х годов XIX в. // Вопросы литературы. 1983. № 9. С. 81–122.
4. Карельский А. В. От героя к человеку: два века западноевропейской литературы. М.: Советский писатель, 1990. 401 с.
5. Berthelot F. *Le corps du héros: Pour une sémiologie de l'incarnation romanesque*. Paris: Nathan, 1997. 192 p.
6. *Fictional Characters, Real Problems: The Search of Ethical Content in Literature* / ed. by G. L. Hagberg. Oxford: Oxford University Press, 2016. 416 p.
7. Figlerowicz M. *Flat Protagonists: A Theory of Novel Character*. Oxford: Oxford University Press, 2016. 208 p.
8. Frow J. *Character and Person*. Oxford: Oxford University Press, 2014. 352 p.
9. Glaudes P., Reuter Y. *Personnage et didactique du récit*. Metz: Centre d'analyse syntaxique de l'Université de Metz, 1996. 221 p.
10. Palmer A. *Fictional Minds: (Frontiers of Narrative)*. Lincoln; London: University of Nebraska Press, 2004. 275 p.
11. Woloch A. *The One vs. the Many: Minor Characters and the Space of Protagonist in the Novel*. Princeton; Oxford: Oxford University Press, 2003. 391 p.

References

1. Bakhtin M. M. *Toward a Philosophy of the Act*. Bakhtin M. M. *Raboty 20-kh godov*. Kiev, Next Publ., 1994, pp. 1–72. (In Russian)
2. *Women in Literature: Authors, Heroines of Fiction, Researchers: A Multi-authored Monograph*, ed. by I. I. Burova. St. Petersburg, Petropolis Publ., 2017, 226 p. (In Russian)
3. Karel'skii A. V. *From Hero to Man (the Development of Realistic Psychology in the European Novel of the 1830s–1860s)*. *Voprosy literatury*, 1983, no. 9, pp. 81–122. (In Russian)
4. Karel'skii A. V. *From Hero to Man: Two Centuries of Western European Literature*. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1990, 401 p. (In Russian)
5. Berthelot F. *Le corps du héros: Pour une sémiologie de l'incarnation romanesque*. Paris, Nathan, 1997, 192 p.
6. *Fictional Characters, Real Problems: The Search of Ethical Content in Literature*, ed. by G. L. Hagberg. Oxford, Oxford University Press, 2016, 416 p.

7. Figlerowicz M. *Flat Protagonists: A Theory of Novel Character*. Oxford, Oxford University Press, 2016, 208 p.
8. Frow J. *Character and Person*. Oxford, Oxford University Press, 2014, 352 p.
9. Glaudes P., Reuter Y. *Personnage et didactique du récit*. Metz, Centre d'analyse syntaxique de l'Université de Metz, 1996, 221 p.
10. Palmer A. *Fictional Minds: (Frontiers of Narrative)*. Lincoln; London, University of Nebraska Press, 2004, 275 p.
11. Woloch A. *The One vs. the Many: Minor Characters and the Space of Protagonist in the Novel*. Princeton; Oxford, Oxford University Press, 2003, 391 p.

Жюстина vs. Жюльетта: герой/антигерой в романах маркиза де Сада

В статье проводится сопоставительный анализ двух героинь романов маркиза де Сада на основании изучения паратекста: заглавия, эпиграфа, предисловия, фронтисписа, иллюстраций. Автор трижды возвращается к истории Жюстины: философская повесть «Злоключения добродетели», написанная в Бастилии в 1780-е годы, не была опубликована при жизни писателя; готический роман «Жюстина, или Несчастья добродетели», вышедший анонимно в 1791 году, многократно переиздавался; романтическую эпопею, почти в 14 раз превосходящую по объему первый роман, составили «Новая Жюстина, или Несчастья добродетели» и история сестры героини «Жюльетта, или Процветание порока» — романы были изданы в 1799 и 1802 годах соответственно. Изменение литературной традиции, исторические перемены сказываются на изображении героинь: если в первых вариантах порочная Жюльетта раскаивалась под воздействием несчастной судьбы своей сестры, то последний роман завершается однозначным посрамлением добродетели и триумфом порока. Жюстина — героиня первых вариантов — превращается в антигероиню, Жюльетта же утверждает новый идеал маркиза де Сада.

Ключевые слова: маркиз де Сад; Жюстина; Жюльетта; паратекст; заглавие; эпиграф; предисловие; фронтиспис; иллюстрация.

История Жюстины занимает особое место в творчестве маркиза Д. де Сада («Жюстина — это он сам»¹ [5, р. 51], — скажет Жан Полан) — ей посвящено три произведения, сюжет которых в общих чертах остается одинаковым, а фабула разрастается, видоизменяется, отражая произошедшие на рубеже XVIII–XIX веков изменения в литературе: от философской повести к романтической эпопее. В последнем романе, объединившем историю Жюстины с историей ее сестры Жюльетты, меняется финал и переставляются акценты: героиней предстает не покорная Жюстина, но сильная, свободолюбивая Жюльетта. Это кардинальное изменение проявляется и в паратексте произведений, к анализу которого мы и обратимся в данной статье.

Термин «паратекст» — один из многих, предложенных Ж. Жеттом и укоренившихся в современном литературоведении: «Текст

¹ Здесь и далее перевод иноязычных цитат выполнен автором статьи.

редко предстает перед нами в голом виде, без поддержки и сопровождения определенного количества других продуктов, вербальных или нет, как, например, имя автора, название, предисловие, иллюстрации. Не всегда ясно, следует ли считать их неотъемлемой частью текста, но в любом случае они его окружают и продолжают, для того чтобы не только представить его в привычном смысле этого слова, но и в более сильном значении, по крайней мере в настоящее время: «обеспечить его присутствие в мире, его рецепцию, его потребление в форме книги» [3, p. 7]. Далее автор вводит термин «порог», или «вестибюль» (seuil), — неопределенная зона между внутренним и внешним, «бахрома печатного текста, которая, на самом деле, определяет процесс чтения» [4, p. 45], как писал Ф. Лежен. Можно вспомнить новеллу Х. Л. Борхеса «Пьер Менар, автор „Дон Кихота“» (Pierre Menard, autor del Quijote, 1939), завершающуюся предположением о том, что наше восприятие напрямую зависит от паратекста: как бы мы восприняли религиозное сочинение анонимного средневекового автора «Подражание Христу», если бы на его обложке стояло имя Л.-Ф. Селина или Дж. Джойса? «Как бы мы читали „Улисса“ Джойса, если бы он не назывался „Улиссом“?» [3, p. 8] — продолжает эту мысль Ж. Женетт в своей книге «Пороги» (Seuils, 1987), где он предлагает детальный анализ паратекста. В нашей статье мы обратимся к таким разновидностям последнего, как название, эпитафия, фронтиспис, посвящение, предисловие, иллюстрации. Безусловно, было бы интересно включить в нее и изучение многочисленных авторских примечаний, однако рамки данной статьи не позволяют это сделать.

Повесть «Злоключения добродетели» (Les infortunes de la vertu) — первый текст о Жюстине — была написана в 1787 году после десятилетнего заключения Сада в Бастилии. Роман не был опубликован при жизни «божественного маркиза», он был обнаружен Г. Аполлинером в 1909 году и увидел свет лишь в 1930-м.

Роман «Жюстина, или Несчастья добродетели» (Justine, ou les Malheurs de la vert) — второе из анализируемых нами произведений — выходит анонимно в 1791 году; де Сад будет отказываться от авторства этой непристойной книги, имевшей огромный скандальный успех (каковой подтверждают многочисленные переиздания: 1794, 1797, 1800, 1801).

«Новая Жюстина, или Несчастья добродетели» (La nouvelle Justine, ou les Malheurs de la vertu), за которой следует история сестры героини — «История Жюльетты, или Процветание порока» (L'Histoire de Juliette, ou les Prospérités du vice), — третье обраще-

ние де Сада к Жюстине; эта романтическая эпопея из двух романов была создана в революционные и постреволюционные годы, уже после нового тюремного заключения и смертного приговора, от которого маркиза спасла лишь казнь М. Робеспьера. Первая часть эпопеи была издана в 1799 году с ложной датой выхода 1797, а часть про Жюльетту увидела свет в 1802 году.

Предреволюционные годы, Революция, Директория. Картина мира, как и образ героини, меняется от произведения к произведению. Как явствует из названий, автор идет от общего к частному, усложняя структуру, меняя художественные стратегии и увеличивая объем: в изданиях «Библиотеки Плеяды» (*Bibliothèque de la Pléiade*) философская повесть «Злоключения добродетели» занимает 121 страницу [9], готический роман «Жюстина, или Несчастья добродетели» — уже 267 [7], части романтической эпопеи «Новая Жюстина» и «История Жюльетты» — 720 [8] и 1084 [6] соответственно.

Противопоставление героинь заявлено уже в «Подготовительной тетради» к «Злоключениям добродетели». Сад пишет:

Две сестры, одна из которых живет в счастье, изобилии и процветании, а другая, исключительно благоразумная, тысячу раз попадает в западню, что в итоге ведет ее к гибели. Их пошатнувшееся благополучие заставляет их заняться ремеслом: старшая становится проституткой, младшая работает; старшая процветает, младшая становится все более и более несчастной [10, p. 273–274].

Это же противопоставление заявлено в паратексте, к изучению которого мы и обратимся.

Названия

Все названия являются тематическими и пролептическими, заявляя главную тему — несчастья добродетели или процветание порока и указывая на завершение историй Жюстины и Жюльетты — несчастья первой и процветание второй.

Двухчастные названия — имя героя и проблема — были распространены в XVIII веке: «Памела, или Вознагражденная добродетель» (*Pamela; or, Virtue Rewarded*, 1740) С. Ричардсона, «Кандид, или Оптимизм» (*Candide, ou l'Optimisme*, 1759) Вольтера; часто встречались и истории несчастий и преследуемой добродетели: анонимные «Несчастливая добродетель» (*La vertu malheureuse*, 1678), «Злополучная Филопа» (*L'Infortunée Philope*, 1732) и «Злополучная

голландка» (*L'Infortunée Hollandaise*, 1739), «Преследуемая добродетель» (*La vertu persécutée*, 1767) Ф.-А. Пузин де ла Мартиньер Бенуа [2, р. 1117—1118]. Название «Жюстина, или Несчастья добродетели» вписывает роман в существующую литературную традицию, а его содержание, напротив, нарушает все коды и правила. К тому же это название вызывает в памяти роман Ричардсона «Памела, или Вознагражденная добродетель», который был переведен аббатом Прево в 1742 году и многократно переиздавался во Франции. Конечно, Сад не пародирует этот роман, как это делает Г. Филдинг, но устанавливает с ним интертекстуальные связи, противопоставляя суровую действительность идеальному миру английского романа.

Название же «Новая Жюстина» отсылает к «Новой Элоизе» Ж.-Ж. Руссо, однако эпитет приобретает совсем иное значение. Если в первых произведениях Сада история Жюльетты служит обрамлением истории Жюстины, а несчастья сестры ведут Жюльетту к раскаянию, то последний вариант усиливает оппозицию между процветанием порока и несчастьями добродетели, откровенно противопоставляя ограниченную и зашоренную Жюстину свободной и умной Жюльетте, и завершается очередным триумфом последней. Эпитет не относится к героине — сама Жюстина не стала «новой», не изменилась, новыми стали концепция автора, расстановка сил и финал произведения.

Обратимся к именам героинь. «Justine» («Жюстина») происходит от латинского «*justinus, justus*» — «разумный, правильный»; «Juliette» («Жюльетта») происходит от латинского же «*Julius*» («Юлий») — имени римских императоров, которое, в свою очередь, восходит к «*Jovilius*», что значит «потомок Юпитера», отсылая к верховному богу-громовержцу, подобно которому героиня вершит не только свою судьбу, но и судьбы других, считая себя вправе насыпать на них громы и молнии. Правильность противопоставлена силе, свободе и самостоятельности.

Имена, похожие по звучанию, но разные по содержанию, определяют судьбу сестер: Жюстина, которая в первом романе берет вымышленное имя София, а во втором — Тереза, оказывается неспособной достичь истинной философской мудрости, она не извлекает никакой пользы из уроков жизни, оставаясь в плену иллюзий, не меняясь на протяжении всего романа, не превращаясь в Терезу-философа². Истинным философом оказывается Жюльетта,

² «Тереза — философ» (1748) — название либертенского романа маркиза д'Аржанса, героиня которого в итоге обретает мудрость и радость жизни.

и последний роман представляет собой историю ее воспитания, которая в итоге завершает и поглощает историю ее сестры.

Эпиграф

Эпиграф распространяется к концу XVIII века, когда его используют Руссо и П. Шодерло де Лакло, но лишь в эпоху романтизма эпиграф становится популярным. Первый текст о Жюстине эпиграфа не имел, второму Саду предпосылает цитату из развязки романа, отсылая к трагической смерти героини, пораженной ударом молнии:

Друг мой, приносимое пороком счастье подобно молнии, обманчивый свет которой на миг украшает небо, чтобы тем вернее низвергнуть в пучину смерти несчастных людей, ослепленных этим блеском [7, p. 123, 389], —

говорит Жюльетта, пораженная страшной смертью своей сестры. По мнению Женетта [3, p. 149], мода на эпиграф распространяется благодаря готическому роману, эпиграфы которого часто представляют собой загадку, как и у Сада: лишь концовка романа прояснит его смысл, а сам роман приобретает кольцевую композицию, начинаясь и завершаясь одинаково, при этом, поскольку источник эпиграфа не указан, лишь дочитав до конца, читатель понимает, что он является авторским.

Поскольку концовка «Новой Жюстины» иная, меняется и эпиграф. Взятый из Петрония, он заявляет о возможности правдиво изображать «странные наклонности, внушаемые природой» («On n'est point criminel pour faire la peinture / Des bizarres penchants qu'inspire la nature» [8, p. 391]). Эпиграф выполняет двойную функцию, метафорически заявляя сюжет романа и акцентируя его философскую идею — изображение природного, естественного, что ярко проявляется в многочисленных и пространных философских рассуждениях, вкрапленных в текст произведения. Кроме того, имя Петрония в XVIII веке отсылало к умению пристойно изображать сцены разврата, и отсылка к этому автору служит оправданием для Сада.

Поскольку «История Жюльетты» следовала непосредственно за историей ее сестры, фактически являясь продолжением романа, то она не имеет ни собственного эпиграфа, ни фронтисписа.

Фронтиспис

Фронтиспис устанавливает первый визуальный контакт с читателем. Фронтисписы «Жюстины» [7, р. 125] и «Новой Жюстины» [8, р. 392] являются аллегориями. На первом изображена Добродетель между Роскошью и Безбожием. Слева Роскошь в виде молодого юноши с ногой, обвитой змеем-искусителем, снимает покров целомудрия с наивной Добродетели, подталкивая ее ногой к падению. Справа Безбожие удерживает Добродетель одной рукой, держа в другой змею, готовую к смертельному укусу. Добродетель, не замечая грозящей ей опасности, устремляет томный взгляд к Небу — единственной ее надежде. Внизу строки из трагедии Ж.-Ф. Дюси «Эдип у Адмета» (*Edipe chez Admète*, 1778), развязка которой (герой погибает, пораженный молнией) аналогична развязке романа. Таким образом, гравюра служит иллюстрацией всего произведения: Жюстина будет постоянно оказываться на краю пропасти, не осознавая этого и продолжая слепо уповать на помощь Всевышнего, и погибнет от удара молнии.

Фронтиспис «Новой Жюстины» гораздо более конкретен, он изображает обеих сестер: в то время как скромно одетая Жюстина падает в пропасть, обнаженную и триумфальную Жюльетту ожидают в прекрасном храме. Таков смысл последнего романа, анонсированный в названии. Сам фронтиспис далек от классической гармонии предыдущего: в нем всё в движении, позы и жесты экспрессивны, пейзаж с грозовым небом, скалистая пропасть, множество разнородных предметов и персонажей присутствуют со стороны Жюстины, которой угрожают змеи и чудовища. Изображение готовит читателя к головокружительной смене эпизодов и детальному описанию пороков и преступлений.

Фронтиспис подчеркивает параллель между сестрами: все злоключения Жюстины отражаются, как в кривом зеркале, в судьбе ее сестры, принося последней процветание и иллюстрируя тезис автора, заявленный в предисловиях первого произведения:

Поскольку несчастья преследуют добродетель, а благополучие сопровождает преступление, а, с точки зрения Природы, добродетель и порок равны, то гораздо лучше быть среди порочных, которые преуспевают, нежели среди добродетельных, которые страдают [9, р. 4].

Эта идея, традиционно связываемая с именем «божественного маркиза», на самом деле была весьма характерна для второй половины XVIII века. Так, К. А. Гельвечий в книге «Об уме» (*De l'esprit*,

1758) писал: «Было бы безумием желать создавать здесь великодушные души, ибо люди в этих странах бывают порочными не в силу врожденной испорченности, а потому, что преступление здесь награждается, а добродетель наказывается» [1, с. 602]. По мнению аббата Бержье, «опыт доказывает, что прочная и скрупулезная добродетель совсем не всегда является надежным способом обеспечить счастье; напротив, очень часто добродетель несчастна, а преступление процветает» [2, р. 1115]. Ту же идею развивает и Д. Дидро в «Племяннике Рамо» (*Le neveu de Rameau*, 1760-е, опубл. 1841). Таким образом, история двух сестер иллюстрирует философскую идею века, а изменение в расстановке акцентов показывает те перемены, которые произошли на рубеже столетий.

Иллюстрации

Иллюстрации появляются лишь в последней версии романа: 40 гравюр в «Новой Жюстине» и 60 гравюр в «Истории Жюльетты». Все иллюстрации были задуманы Садом, который подробно описал каждую для художника Клода Борне (1733–1804). «Иллюстрирование художественных произведений становится популярным в конце XVIII века, и писатели уделяют все больше и больше внимания тому, что становится неотъемлемой составляющей их текста» [2, р. 1185]. Для порнографической литературы, где визуальные сцены соблазнения производили больший эффект, нежели их вербальное описание, изображение имело особое значение. Остановимся лишь на образах главных героинь, не вдаваясь в детальный анализ эстампов, чаще всего представляющих сложные пирамиды однообразных тел. Иллюстрации следуют схеме фронтисписа: страдающая, поднимающая глаза к небу Жюстина всегда внизу, лучащаяся победительница Жюльетта всегда занимает верхнюю часть изображения. Жюстина всегда играет роль пассивной жертвы, в то время как Жюльетта сама предстает в виде агента действий. Большая часть иллюстраций «Жюльетты» имеет в качестве фона нейтральные салоны и будуары, в то время как иллюстрации «Жюстины» погружают нас в мир готического романа с подземельями, пещерами и лесом.

Предисловия

В «Жюстине, или Несчастьях добродетели» «Предисловие от издателя» (*Avis de l'éditeur*) [7, р. 127] заявляет новаторство романа, который изображает «природу», то есть реальную действитель-

ность, в отличие от тех произведений, где читательский интерес подогревается обращением к волшебникам и злым духам. Сад утверждает право писателя обращаться к любым темам, раскрывать преступления, известные всем, но тщательно скрываемые под маской благопристойности.

У «Жюстины» было и посвящение, адресованное верной подруге Сада актрисе Мари-Констанс Кэне [7, р. 129–130], на одобрение которой автор надеется, — «Посвящение моей доброй подруге» (*A ma bonne amie*). Он признает, что пошел не по проторенному в пути в своем романе — «не таком уж и романе, как кажется» [7, р. 129], отказавшись от традиционного изображения победы добродетели и наказания зла, заменяя полет фантазии верным изображением природы и антропологических истин:

Осмелиться изобразить энергичными мазками кисти смелые картины, исключительные ситуации, ужасающие истины с одной лишь целью преподать один из самых возвышенных уроков нравственности, которые человек когда-либо получал, значит, как все признают, достичь цели непроторенным до настоящего дня путем [7, р. 130].

Главная задача авторского предисловия, согласно Женетту, — обеспечить тексту адекватное прочтение [3, р. 200], указать на практическую пользу произведения, что было характерным для романов XVIII века, сочетавших приятное с полезным. Сад и здесь оказывается новатором: с полезным он сочетает неприятное, даже отвратительное, но с тем, чтобы читатель, подобно его подруге, воскликнул, дочитав «Жюстину» до конца:

О, как эти картины преступления заставляют меня гордиться тем, что я люблю добродетель! Как она величественна в слезах! Как ее украшают несчастья! [7, р. 130].

В предисловии к «Новой Жюстине» писатель заявляет, что данное издание соответствует оригиналу текста, определяет его структуру: четыре тома «Жюстины» и шесть томов «Жюльетты», украшенные 40 и 60 гравюрами соответственно. Можно отметить, что по объему и количеству иллюстраций «Жюльетта» доминирует, свидетельствуя об утрате интереса автора к Жюстине. Сад утверждает право писателя изображать «циничные картины» порока, ибо он должен живописать все возможные состояния души, а настоящая добродетель никогда не будет огорчена изображением порока, находя в этом лишний повод для своего триумфа». Писатель отмечает, что в текст романа включены многочисленные рассуждения, надеясь, что в «тот

философский век, в котором мы живем, систематическое изложение смелых идей не вызовет скандала» [8, р. 393]. Это предисловие включает идеи и темы, затронутые в «Посвящении моей доброе подруге». В заключение он подогревает читательский интерес, утверждая, что ни в одном произведении сокровенные мысли, тайники сердца и смелые фантазии либертенов не были изображены с такой силой и правдивостью — Франция должна гордиться тем, что именно там появился этот труд [8, р. 394].

Краткое предисловие к «Истории Жюльетты» сообщает, что она служит заключением для «Новой Жюстины», а первый том второго романа является пятым в общей истории и, таким образом, в произведении всего десять томов. «История Жюльетты» поглощает историю ее сестры, завершает ее утверждением жизнеспособности порока и очередным посрамлением добродетели.

Сравнительно-сопоставительный анализ двух героинь показывает, что отношение автора к ним изменилось на протяжении десятилетия под воздействием исторических событий эпохи: Жюстина была героем, а Жюльетта — антигероем в предреволюционные и революционные годы, после революции расстановка сил переменялась.

В 1909 году Г. Аполлинер писал: «Маркиз де Сад, самый свободный из когда-либо существовавших умов, хотел, чтобы женщина была такой же свободной, как и мужчина. Эти идеи, о которых когда-нибудь напишут, привели к созданию „Жюстины“ и „Жюльетты“. Маркиз не случайно выбрал двух героинь, а не героев. Жюстина — женщина прошлого, подавленная, презренная и почти не человеческая; Жюльетта, напротив, является примером той новой женщины, о которой он мечтал, существа, которое мы себе еще не представляем, но у которого будут крылья и которое изменит весь мир» (цит. по: [2, р. 1183]).

Литература

1. Гельвеций К. А. Об уме // Гельвеций К. А. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1975. С. 143–603.
2. Delon M. Notice // Sade D. A. F. Œuvres: in 3 t. T. 2. Paris: Gallimard, 1995. P. 1113–1125, 1180–1191. (Bibliothèque de la Pléiade).
3. Genette G. Seuils. Paris: Seuil, 1987. 426 p.
4. Lejeune Ph. Le pacte autobiographique. Paris: Seuil, 1975. 358 p.
5. Paulhan J. La douteuse Justine, ou les Revanches de la pudeur // Sade D. A. F. Les infortunes de la vertu. Paris: Gallimard, 1970. P. 7–52.